
*История и теория культуры***КАТЕГОРИЯ САМОКОНТРОЛЯ В НАУЧНОМ И ФИЛОСОФСКОМ
ДИСКУРСЕ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ И
СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕКСТ**

Е.В. Мочалова

Не имея возможности контролировать сам кризис, то есть чистый риск, мы можем осуществлять контроль над созданием институций, намечать их, выбирать те, за которые боремся, направляя, таким образом, нашу борьбу в нужную сторону.

А. Камю

Христианское подвижничество есть непрерывный самоконтроль, борьба с низшими, греховными сторонами своего я, аскеза духа.

С.Н. Булгаков

Понятия «контроль» и «самоконтроль» из-за частотности употребления приобрели со временем свойства «наезженных» мыслительных схем или даже «стертых» от упрощенного применения смысловых клише. Все это препятствует проникновению в подлинное многообразие явлений и смыслов, которые мы, не замечая этого, подводим под жесткие алгоритмы и, по сути, нивелируем. Здесь проявляется одно из негативных свойств «опривычивания», или, если воспользоваться философской методологией П. Бурдьё, габитуализации. Связь этих понятий – «габитус» и «самоконтроль» не вызывает сомнения, поскольку сам автор теории габитуализации понимал под габитусом не только опосредующее звено между объективными структурами и субъективными практиками, но и способность *свободно, но под контролем* порождать мысли, восприятия, выражения чувств и действия.

Если речь идет о механизмах «встроенного в сознание контроля», который становится тем самым частью «самообраза» (например, внутренней установкой, имеющей отношение к «я-концепции»), то это означает, что грань между контролем и самоконтролем становится условной точно так же, как в аналогичном контексте полностью стираются грани между сознанием и самосознанием, идентификацией и самоидентификацией. Благодаря тому что контроль в процессе габитуализации превращается из внешнего действия и системы условий, навязанных человеку и социуму «рамки поведения» во внутреннюю функцию и даже соци-

альную потребность, появляется то универсальное свойство человеческого опыта, которое, по словам Бурдые, позволяет принимать привычный мир «как должное», воспринимать установленный порядок как естественный. Именно благодаря габитусу, переводящему контроль в «функциональную нишу» самоконтроля, «мы обитаем в мире здравого смысла и воспринимаем его как должное»¹.

Соответственно, «представления субъектов варьируются в зависимости от их социальной позиции (и соответствующих ей интересов) и габитуса, выступающего в качестве систематизированных моделей восприятия и оценки, а также когнитивных и оценочных структур, являющихся результатом длительного опыта субъекта и обусловленных определенной социальной позицией. Габитус одновременно представляет собой систему моделей воспроизводства поведения и систему моделей восприятия и оценки поведения. Причем в обоих случаях функционирование данных моделей отражает ту социальную позицию, в рамках которой они были сконструированы»².

Способность человека и общества к самоконтролю – традиционный объект исследования для целого спектра гуманитарных и естественных наук. В частности, данная тема с различной степенью глубины проработана в рамках фундаментальных и прикладных исследований, имеющих отношение к комплексу педагогических и психологических дисциплин, а также к социологии, лингвистике и юриспруденции, физиологии высшей нервной деятельности, кибернетике и целому ряду других сфер научного знания, включая сюда теологию и, в частности, ее телеологические ответвления, которые проявили свой эвристический потенциал в различных поисковых направлениях научной мысли. Однако интенсивная разработка различных аспектов самоконтроля как самостоятельного предмета изучения началась сравнительно недавно, причем преимущественно в рамках исследований по прикладной психологии и теории управления.

В значительно меньшей степени данный вопрос исследован в культурологии, хотя и на уровне общенаучного узуса, и на уровне массового сознания способность к самоконтролю в большинстве случаев интуитивно воспринимается как один из основных показателей культуры во всех ее проявлениях – культуры личной и культуры социума, религиозной и светской, общей и профессиональной.

В связи с этим возникает необходимость отойти от узкого понимания феномена самоконтроля как «компонента процесса управления»³ (такая интерпретация характерна для теории управления и кибернетики) или как «признака сознания и самосознания человека»⁴ и способности адекватного психического отражения человеком своего внутреннего мира и окружающей реальности⁵ (определение, характерное для многих работ в области психологии). Поскольку повышенный интерес к проблеме самоконтроля наблюдается в самых различных областях современной науки, а многие аспекты этого социокультурного феномена все чаще становятся предметом междисциплинарных исследований, можно сделать вывод о превращении понятия о самоконтроле в общенаучную категорию, имеющую значительный эвристический потенциал, что представляет интерес для философии и методологии науки.

За пределами спектра институционализированных дисциплин, в рамках которых исследуются отдельные аспекты самоконтроля, находится широкое пространство междисциплинарных исследований, востребованных временем. В частности, чрезвычайно актуальной представляется сегодня постановка проблемы самоконтроля на стыке естественных и гуманитарных наук. Особый интерес к этому феномену заметен в области смежных исследований по проблемам сверхсложных систем. Новые горизонты таких разработок в данном направлении открываются в связи с опережающим развитием информационных сетей и коммуникационных технологий. В частности, остроактуальными являются различные аспекты транссекторальных исследований феномена самоконтроля, интерпретируемого как имманентная функция сверхсложных саморазвивающихся систем – природных, социоприродных, социальных.

Применительно к социальной системе самоконтроль можно рассматривать как совокупность процессов, посредством которых обеспечивается следование определенным социальным нормам, образцам поведения, а также соблюдение ограничений в поведении, нарушение которых отрицательно сказывается на функционировании системы (этими образцами и ограничениями являются системы ценностей, правовые и моральные нормы, обычаи, традиции и т.п.)⁶.

При этом возрастает значимость исследований социокультурного аспекта проблемы, поскольку к числу сверхсложных систем можно отнести и само человеческое общество в его историческом развитии, и культуру во всем многообразии ее материальных и духовных проявлений. Функционирование сверхсложных систем можно изучать на примере отдельных социальных, профессиональных и возрастных групп с соответствующими этим группам субкультурами. Но наиболее интересным объектом исследования служит, разумеется, сам человек в процессе его социализации и духовного становления личности (самораскрытие внутреннего человека).

Эвристический потенциал такой постановки проблемы заключается в том, что соотношение понятий «контроль» и «самоконтроль» открывается в совершенно новом ракурсе: в данном случае контроль воспринимается не как общее понятие по отношению к самоконтролю, а как набор средств, обеспечивающих осуществление столь важной функции саморазвивающихся систем, какой и является самоконтроль. Очевидно, что столь существенное расширение области исследований предполагает детальную философскую проработку темы в широком социокультурном контексте.

Актуальность темы самоконтроля предопределена и постоянной критикой интуитивно очевидных воззрений и традиционных подходов к проблеме. Так, трактовка самоконтроля как показателя общей культуры далеко не всегда и не всеми воспринимается как нечто самоочевидное, поскольку вступает в противоречие с целым рядом концепций и воззрений на внутреннюю природу культуры и творчества. Например, в исследованиях по психологии и философии творчества, ориентированных на фрейдовскую и постфрейдовскую методологию, контроль и самоконтроль значительно чаще рассматриваются как прямой антипод творчества и, более того, как тормоз для самораскрытия и прорыва к бессознательному.

Самоконтроль в этом случае интерпретируется как своеобразная «блокада» глупо иррациональной природы творческой деятельности со стороны ее рационального начала.

Еще более жесткая оценка функций контроля и самоконтроля проявляется во многих политологических или политически окрашенных исследованиях (и не только фрейдистской или неофрейдистской ориентации), когда предметом анализа являются функции контроля и самоконтроля в отношениях между государством и личностью. Здесь самоконтроль воспринимается уже не только как антипод творчества, но и как основной инструмент его подавления, технология насаждения тоталитаризма.

Особого внимания заслуживает тот факт, что постоянно совершенствующиеся технологии контроля или самоконтроля могут в определенных условиях использоваться в качестве средства манипуляции сознанием, своеобразного оружия подавления воли и самостоятельности. Из этого следует, что контроль и самоконтроль сами нуждаются в особых формах контроля со стороны общества. В данном случае речь идет не только о границах вмешательства в личную жизнь человека, которые становятся весьма условными в процессе совершенствования информационных технологий, но о рисках иного рода, связанных с новыми возможностями экспериментирования над человеческой природой.

В качестве примера рисков такого типа можно назвать контроль за рождаемостью. По мнению известного немецкого философа и политолога Ю. Хабермаса, контроль и самоконтроль в этом случае сами становятся разновидностью чрезмерного социального риска, поскольку именно отсутствие самоконтроля и случайность служат необходимыми условиями принципиально эгалитарной природы межличностных отношений. Как только взрослые начнут рассматривать генетические характеристики детей как продукт, выстраивая подходящий проект, – подчеркивает Хабермас, – они приобретают власть, которая допустима только над вещами, но не над лицами.

Более широкие обобщения делает И. Пригожин. По его мнению, смысл тех изменений, которые произошли в интересующем нас плане в отношениях человека к природе, заключается в необходимости переосмыслить право контроля человека над природой. Если «в детерминистском мире природа поддается полному контролю со стороны человека, представляя собой инертный объект его желаний», то самой природе присуща нестабильность. Следовательно, «человек просто обязан более осторожно и деликатно относиться к окружающему его миру, – хотя бы из-за неспособности однозначно предсказывать то, что произойдет в будущем»⁷.

Вывод, который делает Пригожин на основании своих предположений, заставляет переосмыслить многие мировоззренческие позиции, поскольку идея нестабильности высвечивает контуры новой рациональности. «Эта идея кладет конец претензиям на абсолютный контроль над какой-либо сферой реальности, кладет конец любым возможным мечтаниям об абсолютно контролируемом обществе. Реальность вообще не контролируема в смысле, который был провозглашен прежней наукой»⁸.

С подобной позицией отчасти согласуется и концепция Н. Лумана о «контроле в контексте». Луман считает, что в постиндустриальных обществах происходит замещение нормативности законами эффективности процедур, а «контроль контекста», который представляет собой улучшение результатов, направленных против партнеров, которые образуют этот контекст (будь то «природа» или люди), могло бы расцениваться как некоего рода легитимация⁹.

К. Мюллер, комментируя Лумана, писал: «В развитых индустриальных обществах законно-рациональная легитимация заменена технократической легитимацией, которая не придает никакого значения (*significance*) ни убеждениям граждан, ни самой нравственности»¹⁰.

Философский и культурологический анализ понятия самоконтроля, которое, как уже отмечалось, относится к разряду так называемых общенаучных понятий, позволяет комбинировать и эффективно интегрировать в рамках междисциплинарных исследований методы различных дисциплин, включающих это понятие в свой терминологический арсенал. Однако теоретическое изучение феномена самоконтроля должно опираться на методологию системного подхода, который позволяет рассмотреть природу самоконтроля как целостную систему, не потеряв и глубокого смысла, связанного с богословским аспектом проблемы.

¹ Бурдые П. Начала. М.: Socio-Logos, 1994. С. 144, 143.

² Там же. С. 143.

³ Никифоров Г.С. Самоконтроль человека. Л.: Изд-во ЛГУ, 1989. С. 109.

⁴ Там же. С. 86.

⁵ Шибутани Т. Социальная психология. М.: Прогресс, 1969. С. 329.

⁶ Философский энциклопедический словарь. – 2-е изд. М.: Сов. энциклопедия, 1989. С. 612.

⁷ Пригожин И.. Философия неустойчивости // Вопросы философии 1991, № 6. С. 48.

⁸ Там же. С. 50.

⁹ Luhman N. Legitimation durch Verfahren. Neuwied: Luchterhand, 1969, P. 34.

¹⁰ Mueller CL. The Politics of Communication. Loc.cit. P. 135. См. об этом также: *Луман Ж.-Ф.* Состояние постмодерна. СПб, 1998. P. 135.